

ИНТЕНЦИИ МИФА О ЛЕВИАФАНЕ В РАССКАЗАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «КРОКОДИЛ» И В.П. АСТАФЬЕВА «СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ»

Терешонок Елена В.
Преподаватель
МГУ им. Ломоносова
Москва
Россия

***Аннотация:** В статье рассматриваются интенции мифа о Левиафане, которые прослеживаются в рассказах Ф.М. Достоевского «Крокодил» и В.П. Астафьева «Светопреставление». Писателей сближает ассоциативно-аллегорическая форма воплощения идеи, выраженная в обращении к одной из условных форм – метафоре «Левиафан», парафраза библейских мотивов, на которых авторы строят свою метафору и нравственно-философская полемика, вызванная кризисными процессами, происходящими в обществе.*

***Ключевые слова:** Утенции мифа, метафора «левиафан», публицистичность, мифопоэтика, нравственно-философская полемика.*

Русская проза XIX века оказала большое влияние на развитие отечественного литературного процесса в XX веке. Идея нравственности, понимаемая как духовный закон, по которому существует мир, является концептуальной художественной идеей, объединяющей представителей традиционной прозы XIX и XX века Ф.М. Достоевского и В.П. Астафьева. Закономерность влияния Ф.М. Достоевского определяется способностью писателя заглянуть в тайну человеческой природы, неустанным поиском истины, тревогой за судьбу человечества. Погружение в художественный мир Достоевского помогает глубже понять суть драматических социальных, экологических и политических катаклизмов XX века, осмыслить великие прозрения писателя, поскольку сам художник творил в эпоху, когда вся Россия стояла, по словам М.М. Бахтина, на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной в эпоху выведенных из своего идеологического равновесия и столкнувшихся миров» (Бахтин, 1979, с. 22–23).

В методе художественного познания действительности Астафьевым обнаруживается особенность, которая восходит к «фантастическому реализму» Достоевского: мысли, чувства героев, а также ситуации, в которые поставлены герои, обретают черты своеобразной исключительности. На эту особенность художественного мышления Достоевского обратил внимание М.М. Бахтин, который показал, насколько писателю важно объяснение того, что он видит с точки зрения цельного бытия, в контексте единого мироздания. Использование условных форм художественного обобщения, логарифмирование, когда, по словам П. Рикера: «...смысловые эффекты, создаваемые и метафорой, и рассказом, связаны с одним и тем же смысловым феноменом – семантической инновацией» (Рикер, 2000, с. 10), что позволяет говорить о метафоричности нарратива по отношению к действительности, являются отличительными признаками прозы Достоевского и Астафьева. В сфере философских обобщений авторы часто обращаются к ассоциативно-аллегорической форме воплощения идеи, поэтому в произведениях писателей значительна роль условных форм – символов, лейтмотивов, метафор, притч и т.д. Герои Достоевского и Астафьева одержимы стремлением к нравственным поискам и самопознанию, причем окончательное осмысление себя происходит, как правило, в критической, экстремальной ситуации.

К одной из метафор – метафоре «Левиафан» мы и обратимся на материале рассказа Ф.М. Достоевского «Крокодил» и рассказа В.П. Астафьева «Светопреставление».

Рассказ «Крокодил» был написан Достоевским в 1864 году, а напечатан в 1865 году. Социально-политическим фоном появления произведения стала идейная, нравственно-философская полемика, вызванная социальными реформами 1860-х годов, которая во многом отразила процессы, происходящие в обществе. Ф.М. Достоевский следил за общественно-политическими спорами, но не мог удовлетвориться ролью журнального критика, обратившись к публицистике. Публицистика писателя является объектом повышенного интереса исследователей в аспекте соотношения «публицистичности» и «художественности» его текстов. Так, Ф.А. Еρμοшин, опираясь на наблюдения И.Л. Волгина, Г. Морсона, Т.В. Захаровой, приходит к выводу: «Художественное творчество Ф.М. Достоевского в целом «публицистично», а публицистика – «художественна» (Еρμοшин, 2009, с.6-7). На близость жанра рассказа «Крокодил» к публицистическому фельетону указывают некоторые современники Достоевского – автор высмеивает идеологические взгляды Чернышевского. Фактически жанровая форма «Крокодила» определяется самим Достоевским как «фантастическая сказка, чисто литературная шалость, шутовской рассказ», написанный в подражание повести Гоголя «Нос». Художественная форма «Крокодила» является аллегорией житейской реальности, наполнившей текст актуальным содержанием.

Сюжет рассказа «Крокодил» имеет фантастическую фабулу и абсурдное содержание. Рассказчик, от имени которого ведется повествование, является газетным репортером, который становится свидетелем удивительного события. Подзаголовок рассказа, усиливающий комическое и чудесное, можно отнести к слогу рассказчика, Семена Семеновича, который не без иронии описывает основной ход сюжетных событий: «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже, справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен

живьем, весь без остатка, и что из этого вышло» (Достоевский, 2008; с.18). Намеренная абсурдность объяснения усиливает ироническую деформацию основного фабульного события – проглатывания чиновника крокодилом. В тексте рассказа отсутствуют прямые отсылки к конкретной реальности, за исключением точного датирования времени действий 1865 года. В рассказе нет полнокровного образа героя, отсутствуют аллюзии на реальных оппонентов и упоминание злободневных событий. Специфика художественной формы определяется введением в повествование наивной точки зрения, которая нарушает серьезность повествования и выстраивает эстетическую реальность через прием отстранения, создаваемый непониманием событий рассказчиком Семеном Семеновичем. Пародийная ипостась Ивана Матвеевича – превращение из чиновника, собирающегося уехать в путешествие за границу, в пророка, намеревающегося проповедовать из недр крокодила, кокетливое поведение его жены Елены Ивановны, безутешной «как бы вдовы», хлопоты Семена Семеновича по освобождению его «образованного друга», отклики газет на происшествие – поддерживаются общим комическим фоном рассказа, выражающимся несовпадением действующих лиц с носимой ими маской. Введение в текст образа рассказчика и избранная форма повествования от первого лица устраняют прямое авторское воздействие на читателя, характерное для публицистического дискурса, а иронический модус в рассказе снимает напряжение безысходной мысли, но сохраняет при этом характерную для контекста произведения философскую насыщенность.

Художественная основа текста придает рассказу-анекдоту признаки архетипической истории, высвечивающей смысловые слои произведения: крокодил-левиафан-древнее прачудовище. В рассказе реализуется мотив чудовища, наделяемый автором политической метафорикой. Исследователь К. Богданов обратил внимание на возможную связь этого рассказа с философским трудом Гоббса «Левиафан» (Богданов, 2006, с.352), в котором государство рассматривается в качестве могущественного, жестокого хищника, поглощающего обитателей. А. Беззубцев-Кондаков называет рассказ пародией на судьбу и учение Чернышевского. Исследователь Д. Крыстева отмечает: «Вслед за К. Богдановым, А. Беззубцев-Кондаков толкует образы «крокодила» и им проглоченного проповедника как символические обозначения Петропавловской крепости и заключенного в ней Чернышевского и как прообраз репрессивного советского государства» (Крыстева, 2010, с. 60–68). Д. Крыстева и Д. Чавдарова считают, что «социальное учение Чернышевского Достоевский пародирует именно с учетом теории Гоббса о коллективности бытия в государственном образе жизни» (Крыстева, Чавдарова, 2013, с. 87).

Образ крокодила в рассказе связан с ветхозаветным библейским смысловым толкованием понятия «левиафан». Экзотичность для европейского культурного сознания такого животного, как крокодил, обуславливает его устойчивую интерпретацию в виде чудовища. Архимандрит Никифор (Бажанов) в «Библейской энциклопедии» дает такое мифологизированное описание: «Крокодил, или левиафан – название громадного, змееподобного морского животного» (Бажанов, 1991, с. 414). Метафорический перенос «крокодил»- «левиафан» в интерпретации архимандрита Никифора происходит в результате диффузности мифологизированного представления о левиафане. В ветхозаветной традиции в символику левиафана встраивается

олицетворение первобытного хаоса, враждебного Богу-Творцу. В сюжете «Крокодила» сохраняются устойчивые смыслы, обозначенные библейской символикой. Библейский семантический слой метафоры связан с позицией главного героя «Крокодила» Ивана Матвееча как идеолога, собирающегося пророчествовать «из крокодила», и содержит комическую аллюзию на библейский сюжет о пророке Ионе, проглоченном китом (Ион: 1: 12–16, 2:1–11): «Из крокодила выйдет теперь правда и свет» (Достоевский, 2008, с.46). Комическая профанация святого в «Крокодиле» становится для Достоевского воплощением идеи пародийного подражания Христу, развенчанием недейственности его проповеднического пафоса.

В рассказе присутствует мотив «проглатывания» как пожирания, который оказывается всеобъемлющим. «Пожирание» становится если не всепоглощающей целью, то необходимым условием существования. Позиция Ивана Матвееча – попытка вырваться из этой цепи взаимной обусловленности «поедания», уйти в чистую сферу духа: «Я сыт уже одними великими идеями» (Достоевский, 2008, с. 53). Образ пожирания и проглатывания в «Крокодиле» содержит в себе идею смерти, втягивания в темноту, растворения.

Так, крокодил-левиафан в сюжете «Крокодила» является метафорой интеллектуальной гордыни, поглощенности идеей, заглатывания идеолога идеей. Позже Достоевский обозначит это явление как превращение «благодетелей человечества» в «людоедов человечества». Писатель со всей глубиной осознал то очевидное безысходное положение, в котором оказалось общество, тянущееся к социальным потрясениям. Он предвидел, что грядущий век будет переломной эпохой, в которую разовьется разрушительный потенциал человека, сменившего веру на науку, духовные ценности на материальное благополучие и предостерегал от радикального пути к социальным изменениям.

Востребованность мифа о Левиафане подтверждается его интенциями в современных текстах русской литературы.

Во второй половине XX века в отечественном литературном процессе возникает феномен «экологической литературы», вызванный технократизацией общества и губительным отношением человека к природе. Очевидна связь «экологической» прозы с традициями русского классического реализма XIX века, проявляющаяся в тяготении к нравственно-психологической и натурфилософской проблематике, общей жанрово-стилевой ориентации. Как отмечает исследователь О.Н. Скляров, сближение с опытом предшественников оказывалось для «неотрадиционально ориентированных авторов XX века не просто продолжением и подтверждением прошлого», но и «раскрытием таких потенций в классиках, которые были неведомы до сих пор, т.е. оказывались принципиально новой рецепцией накопленного массива культуры» (Скляров, 2014, с. 159–163).

По словам исследователя русской натурфилософской прозы второй половины XX века, А.И. Смирновой, «морально-этический вектор развития русской классики определил динамику отечественной литературы и в XX веке. К «наследникам» нравоучительной традиции классической литературы по праву принадлежит В.П. Астафьев» (Смирнова, 2019, с. 61).

Рассказ «Светопреставление» был написан Астафьевым в 1986 году. В области поэтики и стилистики писатель обращается к апокалиптической образности, к проповедническим интонациям, к беспристрастному анализу новых жизненных явлений в связи с философским осмыслением взаимоотношений человека и природы. Стиль рассказа представляет собой сплав художественного и публицистического слова, в тексте присутствуют элементы публицистичности, так как он создан на основе фактов, взятых из реальной действительности. С первых строк произведения автор пишет, что он обязан поведать о «светопреставлении» (Астафьев, 2002, с.547) и описывает место действия, где разворачивается «сюжет сверхдраматический»: «Одна из северных рек, ныне уже вторично подпертая гидросооружениями и окончательно утратившая черты реки и называемая просто водоемом. Все живое бросилось из нее в рассыпную, убегло выше и дальше, начиная от людей, кончая рыбой» (Астафьев, 2002, с.548). Название рассказа отсылает к библейскому Откровению св. ап. Иоанна Богослова – Апокалипсису. Уже в начале повествования автор говорит о том, что его волнует – о надвигающейся экологической катастрофе, об исчезновении рыбы, которая веками кормила человека.

В рассказе «Светопреставление» прослеживается интенция мифа о Левиафане: мифопоэтический контекст возникает благодаря описанию «фантастической» рыбы берш как знамения наступающего светопреставления. Бывалый рыбак Кеша Короб вылавливает весенним солнечным днем предмет «светопреставления» – неведомую рыбакам рыбу берш, отдаленно похожую «на ерша, на окуня, судака и еще на кого-то, из будущего на нас надвигающегося» (Астафьев, 2002, с. 563). Образ чудовища оказывается востребованным в рассказе Астафьева как в связи с обновленным содержанием метафоры «левиафан», так и в связи с интересом к экзотическому бестиарию. Автор подробно описывает выловленное чудовище: «Прежде всего замечались на существе колючки – все оно было ошетилено-иглисто, по спине, по бокам, и под грудью, и на жабрах – все сверкало стальной остротой, хребет был темен, неопределенного, илисто-серо-болотного цвета, такие же бока, и только туго набитое лягушечье пузо пучилось жизнерадостной сытостью, отливало жестяным блеском, да хвост и перья с колючками, наполненные вроде бы запекшейся кровью, кое-где йодисто-разжиженной, оживляли круглое тело, не то на большое веретено, не то на не расколотое полешко похожее» (Астафьев, 2002, с.563). Мифологическая рыба берш – символ наступающего экологического кризиса в обществе как следствие утраты гармонии между человеком и окружающей средой.

В рассказе воплощается мотив «пожирания», который становится необходимым условием существования и выживания всего живого. Автор описывает враждебность выловленного «существа»: «Наконец оно выкатило мутные, в то же время вострозрачные глаза и словно бы усмехнулось: «Ну что? Поймали! Жрать будете?! Жрите-жрите! Сегодня вы нас, завтра мы вас...» (Астафьев, 2002, с.563). К мифологическому образу рыбы берш автор добавляет образ другого неведомого существа – рыбы ротан, усиливая мотив «пожирания», и подчеркивая тем самым, возникшую дисгармонию в отношениях человека и природы: «Ротан может обитать в любой луже, даже мазуте, питаться может всем, вплоть до самых резиновых сапог и колесных шин... Самого же ротана едят лишь пока избранные любители редкостных блюд» (Астафьев, 2002, с.564). Диковинная рыба берш, выловленная героем рассказа, – предупреждение об опасности, знак наступившего «будущего», которое

ужасно, как ужасна рыба, похожая на инопланетное существо: «Берша ловят уже повсюду. В озере Аральском берш сожрал всю мелочь, дошел до осетровых, коих от века никто кроме человека на земле не ел. ...Бершу все нипочем, он существо будущего времени, преодолел все преграды» (Астафьев, 2002, с. 566).

Так, обращаясь в образе рыбы берш к метафоре «левиафан», Астафьев в рассказе «Светопреставление» выражает свои эсхатологические настроения, нравоучительно напоминает о Боге и призывает к бережному, гуманному отношению к природе: «Может, происшедшее на реке было и на самом деле началом светопреставления, сигналом тому, чтобы мы почаще думали о надвигающихся на нас чудесах в природе» (Астафьев, 2002, с.566).

Таким образом, Астафьев актуализировал и трансформировал на новом жизненном этапе одну из глобальных тем романистики Ф. Достоевского: кризис современного человека. Достоевский предвидел, что грядущий век будет переломной эпохой, которая может принять апокалипсический характер. Источником глобальной трагедии человека в конце XX века стали отношения между человеком и природой. В.П. Астафьев в своем творчестве показал невозможность существования человека вне природы или вопреки ей. Автор «Светопреставления», опираясь на художественно-философское наследие Достоевского, продолжил идейные и художественные традиции великого классика.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд-е 4. М.: Советская Россия, 1979. 416 с.
2. Рикер П. Время и рассказ. Т.1: Интрига и исторический рассказ. М., СПб: Университетская книга, 2000. 313 с.
3. Ермошин Ф.А. Автор и читатель в публицистике Ф.М. Достоевского 70-х годов XIX века: дис. ...канд. филол. наук. М., 2009. 239 с.
4. Достоевский Ф.М. Крокодил. СПб: Арт Деко, 2008. 84 с.
5. Богданов К. О крокодилах в России: Очерки к истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352с.
6. Крыстева Д. «Крокодил» Ф.М. Достоевского как петербургская повесть (заметки к словарю аллегорий петербургской истории). Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, Lodz. Wydawn. Uniw. Lodzkiego, 2010. №3. С. 60–68.
7. Крыстева Д., Чавдарова Д. Крокодил и тритон как политические метафоры в прозе и публицистике Достоевского. Достоевский и журнализм, СПб: Дмитрий Булгарин, 2013, с.85–93.
8. Бажанов Н. Иллюстрированная полная популярная Библийская энциклопедия. М.:

Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. 904 с.

9. Скляр О.Н. К вопросу о новом традиционализме в русской литературе XX в. (аксиологический аспект) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2014. С. 159–163.
10. Смирнова А.И. Этикоцентризм творчества В.П. Астафьева в контексте классической литературной традиции // Творчество В.П. Астафьева в контексте национальной истории и культуры: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юбилею В.П. Астафьева. Красноярск, 29–30 апреля 2019 г. / отв. ред. Т.Н. Садырина. Красноярск: КГПУ, 2019. С. 61–69.
11. Астафьев В.П. Жестокие романы: Рассказы. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 864 с.

Intentions of the myth about Leviathan in the stories of F.M. Dostoevsky's "Crocodile" and V.P. Astafieva "End of the Light"

Abstract: *The article examines the intentions of the myth about Leviathan, which can be traced in the stories of F.M. Dostoevsky's «Crocodile» and V.P. Astafieva «End of the Light». The writers are brought together by the associative-allegorical form of the embodiment of the idea, expressed in reference to one of the conventional forms - the metaphor «Leviathan», a paraphrase of biblical motives on which the authors build their metaphor and moral and philosophical polemics caused by the crisis processes taking place in society.*

Keywords: *myth intentions, metaphor "leviathan", publicism, mythopoetics, moral and philosophical polemics.*